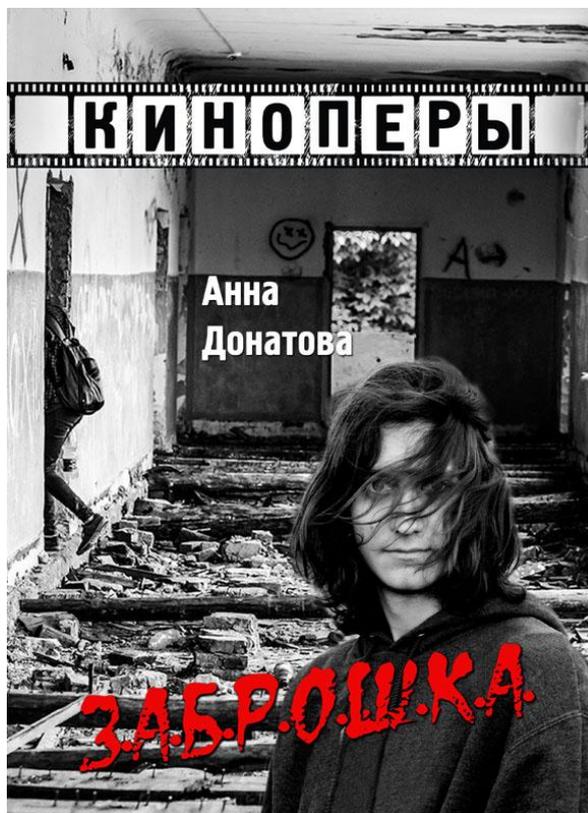

Киноперы.
"З.А.Б.Р.О.Ш.К.А."
роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

– Когда вы виделись с Ольгой Ткачук в последний раз? – следователь Инга Ягунова поправила направленную на Захара видеокамеру, взяла шариковую ручку и посмотрела на него выжидающе.

– Перед майскими, – ответил Захар, не поднимая головы.

Захару не было и двадцати, самый младший среди второкурсников-кинооператоров. Если не считать Оли. Она свой второй юбилей тоже не отметила. Не успела.

На Ягунову с чёрной майки Захара смотрел Тарантино, забрызганный красным принтом, словно кровью.

– Что-то необычное заметили? – спросила Ягунова, заполняя протокол допроса.

– Я всё рассказал, – Захар поднял голову и посмотрел Ягуновой в глаза.

– Это для протокола, – уточнила Ягунова и дунула на чёлку. – Что-то необычное заметили?

– Неделю сидела на задней парте, – ответил Захар, рассматривая сидящего за угловым столом крупного и накачанного лейтенанта Дмитрия Топорова, уткнувшегося в ноутбук. "И что она в нём нашла? Вполне соответствует фамилии", – подумал Захар и хмыкнул.

– Обычно на первой? – спросила Ягунова.

– Да, – ответил Захар, постукивая по столу пальцами.

– Что ещё? – мягко, но настойчиво продолжила Ягунова.

– Ни с кем не общалась. Напряжённая такая или грустная, кто их знает, – Захар откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

– Их – это кого? – уточнила Ягунова, словно не замечая раздражения Захара.

– Девушек! – почти крикнул Захар.

– У неё что-то случилось? – как ни в чём не бывало продолжила Ягунова.

– Откуда я знаю! – Захар пнул ногой стоящий на полу рюкзак. – Может парень бросил или дома что-то.

– Она это говорила? – мягко напирала Ягунова.

– Я же сказал, она ни с кем не общалась! – Захар хлопнул себя руками по коленям.

– А кто был её парнем?

– Понятия не имею! – Захар отвёл глаза, выдохнул и посмотрел на Ягунову. – Mam, ребята ждут. Съёмка.

– Распишись, – Ягунова подтолкнула к Захару лист протокола и выключила камеру.

Захар расписался, взял с пола серо-рыжий рюкзак с люминесцентными вставками, встал и закинул рюкзак за плечо.

– До десяти будь дома, – Ягунова поднялась, подошла к Захару и обняла его. – Молодец, что подстригся, – добавила она, потеревив короткие волосы Захара.

Захар тут же дёрнул головой, отклоняясь, посмотрел на Топорова, поджал губы и вышел из кабинета.

– Думаешь, он тоже что-то скрывает? – спросила Ягунова, повернувшись к Топорову.

– Как и мы, – ответил Топоров, пожимая плечами.

Топоров встал, подошёл к Ягуновой, обнял, но она отстранилась от него, подошла к окну и стала ожидающе смотреть вниз, теребя тонкое обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки.

Внизу показался Захар, выходящий из здания полиции. Как всегда бегом. В своих серых походных штанах с кучей карманов. Он отцепил стоящий на стоянке велосипед, сел на него и поехал, набирая скорость, в сторону дороги.

Не оглянулся, не помахал рукой, как обычно. Ягунова вздохнула.

– Да всплывёт она скоро. Или грибники найдут, – прошептал на ухо Ягуновой Топоров, незаметно подошедший сзади.

Ягунова откинулась назад, и Топоров крепко обхватил её своими ручищами.

Глава 2

Захар мчался на велосипеде по городу, надеясь, что ветер сотрёт воспоминания, не дающие ему покоя все эти сорок дней. Но ветер вышибал лишь слёзы.

Как и тогда, год назад, когда прошлым летом они отправились в первую поездку за город...

Тогда тоже был ветер. Оля ехала сзади. И Захар старался загораживать её своей спиной от встречного ветра. Его вьющиеся тёмные волосы тогда были почти до плеч, весь первый курс их отращивал. А светло-русые длинные волосы Оли были забраны в хвостик, торчащий из-под синей жокейки. Так Оля называла свой шлем, сохранившийся ещё со времени, когда она увлекалась конным спортом. Даже не просто увлекалась, а была в юниорской сборной России. Но про тот период своей жизни она не любила распространяться. Лишь жокейку всегда надевала на их совместные велосипедные выезды. И она так шла к её голубым глазам.

В поле, открывшемся за поворотом, они увидели пасущихся лошадей. Три взрослых и маленький жеребёнок, который тёрся около рыжей кобылы, пытаясь привычно присосаться под её пузом, но та отталкивала его головой, приглашая попробовать сочную траву.

Конечно, они сразу остановились. Захар тут же достал из рюкзака камеру и стал снимать. Он был уверен, что и Оля сделает то же самое. И очень удивился, когда она вдруг оказалась в кадре. Рядом с лошадьми.

Захар хотел крикнуть, чтобы Оля была осторожнее. Ведь кобыла могла защищать своего детёныша. Но не успел. Оля уже гладила лошадей, а они тянули к ней свои большие головы с миндалевидными глазами, с любопытством нюхая её и ласкаясь.

Захар настроил кадр и стал снимать. Оля сияла, обнимаясь с лошадьми. Она провозилась с ними, наверное, около получаса. Отгоняла слепней, снимала с их кожи клещей, распутывала чёлки. Нашла какую-то палку и почистила им копыта, которые они послушно подавали. Захар даже думал, что она прокатится на ком-то из них верхом, вспомнив спортивную юность, но Оля не стала этого делать. Она поцеловала их на прощанье, обняла их бархатные шеи и вернулась к своему бело-синему велосипеду.

Всю дорогу Оля улыбалась. Вскоре они добрались до Радужных скал, которые были целью той поездки. Прицепили к деревьям велосипеды и стали взбираться по тропинке.

Оля болтала без умолку, восхищаясь каждым листиком и каждой букашкой. А когда привычный щебет Оли стих, Захар обернулся. Оля стояла, склонившись, оперев руки в колени, и тяжело дышала. Захар бегом спустился к ней, протянул руку. Оля, улыбаясь, положила в руку Захара тоненькую ладонь, и он потянул её наверх. До вершины оставалось совсем чуть-чуть.

Там, на вершине, ветер ощущался ещё сильнее. Захар думал, что Оля будет прыгать от восторга и щебетать ещё больше. Но Оля, наоборот, затихла. Словно боялась спугнуть эту красоту. Сверху была видна петляющая горная речка, пятнышки домов деревни, которые поглощал, казалось, бескрайний лес. Увидели они и тех лошадей. Только сверху они были такие маленькие, как игрушечные.

Насмотревшись, они стали снимать. Оля стояла чуть впереди и снимала всю окрестную красоту. А Захар – шею Оли и выбившиеся волосы, которые ласкал ветер. Захару так хотелось прижать Олю к себе, такую маленькую и хрупкую. Согреть, дотронуться губами до её тонкой шеи...

Вдруг Оля обернулась. Захар опустил фотоаппарат. От порыва ветра волосы Захара закрыли почти всё лицо. Оля подошла ближе. Отвела рукой волнистые пряди, посмотрела Захару в глаза, приподнялась на цыпочках, словно сейчас поцелует...

– Круто отрасли. Вот так – мне нравится! – сказала Оля и побежала по тропинке вниз, хватаясь за деревья и выкрикивая строки Маяковского на распев:

"Били копыта. Пели будто:

– Гриб.

Грабь.

Гроб.

Груб. –

Ветром опита,

льдом обута,

улица скользила..."

Вдруг откуда-то послышался визг тормозов, истошно загудели машины...

Захар вздрогнул, посмотрел по сторонам и потянул пальцами тормоза. Чёрт, он выехал на перекрёсток! Машины сигналили, люди из машин и прохожие что-то кричали, размахивая руками, но Захар слышал лишь гул в голове. И ещё это "Гриб. Грабь. Гроб. Груб..."

Захар поднял велосипед на тротуар и поехал медленно, стараясь держаться подальше от прохожих.

Глава 3

Рядом с институтом культуры, который все студенты называли ласково "кульком", притулилось небольшое кафе "Здрасьте". Официанты этого кафе давно уже привыкли к странным словечкам местной студенческой братии.

За большим угловым столиком расположились, как обычно, киноперы, то бишь кинооператоры. Весь стол был заставлен их крутыми камерами, с которыми они не расставались, даже когда ходили в туалет. Но в центре стола нашлось место и для коробки с пиццей, уже второй по счёту. Поминки всё же.

Шон вальяжно разместился в углу. На самом деле его звали Германом Шонашвили. Но все в "кульке", и даже преподаватели, звали его Шоном. Высокий такой горный красавец с орлиным носом. Правой рукой Шон обнимал Оксану Симакову, а левой пробирался куда-то всё выше у неё под юбкой.

Оксана смотрела свысока на всех своих сокурсников, даже на Шона. И не только потому, что была высокой стройной, а пепельно-белые и коротко стриженные волосы делали её похожей на инопланетянку. А потому что сама она снимала профессионально уже лет пять. Своя студия, куча техники, крутой сайт и афигенное портфолио. Состоящее, в основном, из крутейших лав-стори. Оксанка придумывала закрученные сюжеты, искала оригинальные локации. На съёмки к ней люди за месяц занимали очередь и платили, не торгуясь. Собственно, квартиру, в которой они жили с Шоном, и где располагалась её оборудованная студия, она сама себе купила.

Рядом сидел Клим Вертуганов с какой-то малолеткой на коленях. И где он таких находил? Клим не блистал красотой: рыжий, коренастый, смешное лицо с мясистым носом и веснушками. Но умел очаровывать юных барышень, создавая вокруг себя ореол потомственного творческого гения. Отец его был довольно известным режиссёром в Москве, снимал сериалы, и как-то умудрялся содержать все свои семьи, раскиданные по просторам не только России.

Шон, Оксанка и Клим были "кэнонистами", то есть приверженцами техники марки "кэнон". И всегда держались рядом, с презрением глядя на "никонистов", к которым в их группе кинооператоров относились Захар, Алиса и ещё Оля. Так что теперь, с исчезновением Ольки, у "кэнонистов" появилось явное преимущество.

Напротив "кэнонистов" сидели Борис и Алиса, а рядом было свободное место для Захара, который где-то задерживался.

Пухлый и невысокий Борис Дроздович обычно хихикал в сторонке, когда "кэнонисты" мерялись своими фото-агрегатами с "никонистами". У него-то была камера "сони" последней модели и с полным арсеналом. А её, как он считал, сравнивать с "кэнонами" и "никонами" – всё равно что Папу римского с кришнаитами.

Борис смаковал энергетик и то и дело поправлял прямоугольные очки, раздумывая над очередной шуткой, а Алиса Гусева пила горячий шоколад, такой же чёрный, как и вся её одежда. Как и прямые длинные волосы, зализанные на прямой пробор. Даже ногти Алиса всегда красила в чёрный цвет. Ладно бы она была просто готка, но весь её облик кричал о том, что она деревенская готка. С Борисом они вроде ходили парой, но из-за этих её деревенских замашек Борис не любил показываться с нею на людях. А вот трахалась она отменно, словно с детства этому обучена.

Сегодня все обсуждали новый влог Бориса и Захара "Заброшка", который они какое-то время скрывали от своих сокурсников. Ну, мало ли, могло ведь и не выстрелить. Но теперь Борис, пока Захар опаздывал, с нескрываемым удовольствием принимал поздравления. Канал всего за месяц набрал больше "кило" подписчиков и почти "лям" просмотров.

– И не страшно? – спросила малолетка, сидящая на коленях у Клима. Она смотрела на Бориса с благоговением и старалась повернуться к нему выгодным ракурсом.

– Да не, – ответил Борис, потягивая из банки энергетик, – по заброшкам не страшно. Ну там на голову может что торкнуть или под ногами хрякнуть. Но там хоть жители не бдят. Мы тут с Захаром недавно... – Борис перевёл взгляд на Клима. – Когда, помнишь, суперлуние было?

Борис ещё отпил энергетика и дождался, когда Клим в ответ кивнул, а остальные затихли, повернувшись к Борису.

– Короче, возвращались мы ночью пешкарём, – продолжил Борис, – у Никитского срезали, пошли дворами. Идём такие по улочке, а там забор весь плющом увит, кроны деревьев вот так сходятся. – Борис сложил руки домиком. – И луна! – Борис откинулся назад, обвёл всех взглядом. – Захар отправил меня в конец этого тоннеля, сам фоткает. Тут машина тормозит. И мужик, не маленький такой, выскакивает, хватает Захара, руки за спину. Тётка его тоже выскочила, в ментовку звонит и орёт на всю округу: "Поймали закладчиков!"

За столом раздался дружный гогот киноперов. Только юная дева непонимающе ёрзала на коленях Клима.

– Ха! Закладчики-профи! С зеркалками! – отсмеявшись, сказала Оксана, после чего гогот вспыхнул с новой силой.

– Закладчики? – наконец спросила юная барышня, так и не врубившаяся в шутку.

– Чё, не слышала? Дитё, – Клим нежно спихнул девушку со своих колен на свободное место, а сам потянулся за пиццей. – Наркокурьеры это. Рядовая пехота наркобизнеса. Клады ныкают, потом фоткают, отправляют диспетчеру, или кто там у них, ну, а тот, по Даркнету – нарикам.

– Статья два-два-восемь, от восьми до двадцатки, – сурово вставила Алиса.

– Ого, откуда такие знания? – отвлѣкшись от Оксаны спросил Шон.

– От папочки, – многозначительно сказала Алиса.

Борис взял со стола свой фотоаппарат марки "сони", положил его на колени и продолжил рассказ.

– Короче, он Захара держит, ментовка уже едет, – Борис на коленях включил свой фотоаппарат и выдвинул объектив по максимуму. – А тут я такой подбегаю, в руках штатив, а на груди "сонька" фулфреймовская болтается. Ещё, прикинь, на длинном конце. И тут до мужика дошло, что закладчики с таким арсеналом не ходят.

На последней фразе Борис поднял руки со своим фотоаппаратом, похожим на пулемѣт, и гогот поднялся такой, что посетители за соседними столиками обернулись. Борис тем временем всех пофоткал, поймав отличные кадры.

– Отпустил? – спросила Алиса, придерживая свою большую грудь, которая всё ещё колыхалась от смеха.

– Не сразу, – ответил Борис. – Пришлось ему кадры показать.

– Удались хоть? – поинтересовалась Оксана.

– Да не, шумов до фига, – ответил Борис, и все опять заржали.

– Странные у нас поминки, – сказала Оксана, когда после гогота зависла тишина.

– Да чѣ поминать? – хмыкнул Клим. – А если живая?

– Я вот тоже так думаю, – кивнула Алиса. – К папику она свалила. Или ещё куда.

– Вместо сессии? – криво усмехнулся Борис.

– Вот это самое запаadlo! – сказала Оксана. – На экзамены Олька приползла бы. По любѣ.

– Захарыч там сейчас, в ментовке? – спросил Шон у Бориса.

– Да пора бы уже вернуться, – кивнул Борис. – Съѣмка горит.

– Следаки заманали своими допросами! – хмыкнула Алиса, почѣсывая на запястье тату в виде черепа с выползающей из глаза змеѣй.

– Ага, типа мы все тут что-то скрываем, – усмехнулся Клим. – Киноперы-убийцы.

Все за столом, кроме малолетки, переглянулись и снова затихли.

Борис дёрнул рукав косоворотки Алисы, закрыв мрачную татуировку, которая его жутко раздражала. Алиса недовольно поджала губы.

– А сегодня вы где снимаете? – спросила вдруг юная дева, придвигая стул ближе к Борису.

– Захар придѣт, скажет, – ответил Борис. – Он у нас по части локаций главный.

– Обожаю ваш влог! – выпалила малолетка, залившись румянцем.

– И чѣ, баблос уже капает с ютубера? – спросил Шон, скидывая с пиццы оливки.

– Да не, для бабла рейтинг ещё не очень, – ответил Борис. – Но мы так, для души. Искусство, блин.

– Они у нас типа Феллини с Тарантино, – уточнила Оксана персонально для малолетки.

– А публике нужны трупы, – кивнул Борис.

– И приведения! – захлопала в ладоши малолетка.

– Девку вам надо в кадр, – вставил Шон, оценивающе рассматривая юную подругу Клима.
– И будет вам рейтинг.

– Меня, меня возьмите! – тут же выпалила малолетка, хватая Бориса за рукав.

Борис вопросительно посмотрел на Клима.

– Бери! Дарю! – равнодушно ответил Клим.

– Актриса? – Борис повернулся к юной барышне.

– Да! Поступаю. Настя, – ответила та, закинув вперёд цветные локоны.

– Ну, давай-ка, Настя, – Борис подмигнул Насте и взял её в фокус.

Настя тут же вскочила и принялась позировать, выпячивая губки и другие прелести. Борис так увлечённо стал щёлкать Настю, что не заметил, как Алиса резко поднялась и направилась к выходу. Заметил он это, только когда Оксана тронула его за плечо и указала на гордо уходящую готку.

– Алис, ты чего? – крикнул Борис, вскакивая. – Ребят, ну вы тут сами помяните Ольку.

Борис достал из кармана и кинул на стол пятисотку, а сам схватил с пола рюкзак и побежал догонять Алису, придерживая на груди камеру-пулемёт.

Глава 4

– Алис, ну? – Борис догнал Алису, когда она уже вышла из кафе.

– Мне ты – не предлагал! – сказала Алиса, глядя вдоль улицы.

Борис посмотрел по направлению взгляда Алисы и увидел подъезжающего на велосипеде Захара.

– О, Тарантино! Где патлы? – Борис с удивлением потрепал короткие волосы Захара.

– Вас тоже вызывали? – спросил Захар, слезая с велосипеда.

– Ага, по второму кругу, – ответила Алиса, сплюнув.

Вот! Это то самое, деревенское в готке, что так не любил Борис. Он передёрнул плечами и повернулся к Захару.

– Жрать будешь? – спросил Борис у Захара, кивая на кафе. – Там поминки в разгаре.

– Поминают покойников, – ответил Захар и быстро покатил велосипед вдоль припаркованных машин. – Опаздываем, свет уходит, – добавил Захар, обернувшись к отставшему Борису, который выслушивал претензии Алисы по поводу малолетки.

Захар покачал головой и покатил велосипед дальше.

– Зря ты. Девчонкам нравились твои локоны, – сказала повеселевшая Алиса, поравнявшись с Захаром.

– И мальчонкам тоже, – в шутку игриво добавил Борис, оказавшийся вдруг с другой стороны от Захара.

Захар отвесил Борису дружеский подзатыльник по его курчавым чёрным волосам.

Борис достал из кармана ключи, и машина, перед которой они остановились, пикнула, разблокировав двери. Это был старый белый "фольксваген", доставшийся Борису от отца.

– Алис, давай, подкину, – сказал Борис, открывая заднюю дверцу и подмигивая Алисе.

Алиса чмокнула Бориса в щёку и села, хлопнув дверцей.

Борис подошёл к багажнику, около которого уже стоял Захар, отцепляя колёса от велосипеда.

Борис открыл багажник. Там лежали верёвки, каски, лопаты, фонари, штативы. Туда же Захар стал складывать разобранный на части красно-белый велосипед.

– Захар, ну раз ты у нас теперь обычный стриженный чел, – начал издалека Борис, – предлагаю взять третьей Алису.

– Нет, – отрезал Захар, даже не посмотрев на Бориса.

– Наши киноперы тоже говорят – нужно девку, – не терял надежды Борис. – Для рейтинга.

– Ты ей что, обещал? – сразу раскусил Бориса Захар.

Борис посмотрел под ноги и выдохнул.

– У общаги высадишь, – сказал Захар, закрывая крышку багажника.

Борис вздохнул и пошёл садиться за руль. Захар сел на пассажирское сиденье.

– Куда сегодня? – спросил Борис, выруливая с обочины на дорогу.

– Башня самоубийц, – ответил Захар, глядя на солнце, которое уже катилось к закату.

– Может, хоть попробуем? – Борис предпринял вторую попытку.

– Она не влезет, – ответил Захар.

– В кадр?! – Борис обернулся на ошалевшую Алису, посмотрел на Захара и ухмыльнулся.

– Ну, ты как скажешь!..

– На башню, – уточнил Захар, думая явно о чём-то другом.

– Очень-то надо по вашим заброшкам шастать! – сказала Алиса, с обидой глядя в зеркало заднего вида на Бориса. – И ради чего?

– Ну, я ради искусства, – ответил Борис. – А Захар думает там Ольку найти. Или какой-то след.

– С чего это? – спросила Алиса.

– Погоди, а я тебе не показывал? – Борис обернулся.

– Да как обычно! – Алиса вскинула руки и хлопнула себя по коленям. – Про Алису мы вспоминаем в последнюю очередь.

– Захар, покажи фотку! – Борис кивнул Захару и снова посмотрел на Алису в зеркале. – Захарыч это в триста шестнадцатой снял, на галёрке.

Захар достал из кармана телефон, включил и стал листать фотографии на экране.

– Это там, где Олька сидела? – уточнила Алиса.

Захар кивнул, нашёл нужную фотографию, увеличил изображение и показал Алисе экран, даже не оборачиваясь к ней.

Алиса тихо ахнула и зажала рот рукой.

На фотографии была надпись "З.А.Б.Р.О.Ш.К.А.", вырезанная ножиком на парте. Именно так – с точками после каждой буквы.

– Я видела это! – пробормотала Алиса, убирая ото рта руки.

– Где?! – Захар резко развернулся к Алисе.

Борис прижал машину к обочине и тоже обернулся к Алисе.

– Где? – повторил свой вопрос Захар. – На парте?

– Нет. Граффити. С такими же точками, – наконец ответила Алиса. – Это за городом. Около водохранилища. Психушка старая.

– Заброшка? – спросил Захар.

Алиса кивнула.

– Ща! – сказал Борис, достал из заднего кармана джинсов свой телефон и что-то вбил в поиске. – Блин, это через весь город по пробкам. – Борис обернулся к Алисе. – Ты-то там чё забыла?

– Да так, позвали на фото-сессию, – ответила Алиса, уже справившись с волнением.

– Не помню у тебя таких фоток, – сказал Борис и продолжил что-то изучать в телефоне.

– Клиент попросил не светить, – ответила Алиса.

– Не, ребят, это далеко, не поедем сегодня, – покачал головой Борис.

– Тогда я сам, – сказал Захар, отстёгивая ремень и открывая дверцу.

– На велике? – удивился Борис. – Да ты к ночи туда докатишь! – Борис схватил Захара за руку и усадил на место. – Ладно, едем, – Борис посмотрел на Захара. – Но при одном условии – Алиса с нами, идёт?

Захар недовольно выдохнул, кивнул, закрыл дверцу и пристегнулся.

Борис усмехнулся, подмигнул снова повеселевшей Алисе через зеркало заднего вида, завёл машину и влился в поток машин.

– Тогда давайте анонстик запилим, – сказал Борис, протягивая телефон Захару.

Захар включил на телефоне камеру и направил её на Бориса.

– Привет, братаны и девчонки! – Борис помахал правой рукой в камеру телефона, продолжая рулить левой. – И это снова мы! Борис и Захар, ведущие влога "Заброшка"! Узнаёте этого чела? – Борис указал на Захара и тот перевёл камеру на себя. – Да-да, это он самый, Захар. Был, блин, как Джон Сноу, а теперь такой вот обычный стриженный Нео из "Матрицы". Но, зато!.. – Борис кивнул назад, и Захар направил камеру телефона на Алису. – С нами – Алиса! Главная готка среди киноперов. Спец по приведениям и прочей нечисти. И сегодня Алиса покажет нам ахренительную заброшку на берегу Затонского водохранилища!

Алиса на заднем сиденье заулыбалась и помахала в кадр своей ручкой с чёрными ногтями.

Глава 5

Когда машина Бориса подъехала к полуразрушенному зданию психушки, солнце уже пряталось за высокими тополями, растущими вдоль берега Затонского водохранилища. И в этом закатном свете заброшка смотрелась ещё более мрачно. Все окна были разбиты, штукатурка обсыпана, кое-где зияли сквозные дыры.

Всего в здании было четыре этажа. Но ничего похожего на крышу сверху не наблюдалось. Вполне возможно, что раньше этажей тут было побольше, просто верхние уже разобрали.

Рядом с заброшкой на старых деревянных поддонах стояли аккуратные стопки более-менее целых кирпичей, которые кто-то тут планомерно выбивал из здания и складывал. Видимо, себе на гараж, а может и на дом.

Борис, Захар и Алиса вышли из машины. Алиса сразу застегнула свою чёрную косоворотку, сложила руки на груди и ссутулилась, словно замёрзла, хотя вечер в тот день, девятого июня, был довольно тёплый.

Захар тут же принялся доставать технику, а Борис уткнулся в телефон.

– Опа! Просмотров до фига! – воскликнул Борис, листая пальцем экран телефона. – И это только анонс. Алиса, ты гений!

Борис чмокнул Алису в щёку, убрал телефон в карман, достал из рюкзака камеру, выдвинул объектив и принялся снимать старую психушку и её окрестности.

– Блин, солнце уходит, – сказал Борис, шурясь на заходящее солнце. – Бери фонари! – крикнул он Захару и продолжил съёмку.

– А мне "никошу" брать? – спросила Алиса, доставая с заднего сиденья чёрный рюкзак.

– Можем писать и на три камеры, – предложил Захар, доставая из багажника два жёлтых переносных фонаря.

– Не-не, там темно – у Алиски шуметь будет сильно, – ответил Борис. – Кроха, оставь в машине, – сказал он Алисе, кивнув на чёрный рюкзак, и тут же сделал её портрет с поджатыми губами. – Да расслабься ты! Будешь красоваться и светить.

Алиса криво улыбнулась, закинула рюкзак в машину и хлопнула дверцей.

– Думаешь, это Оля нацарапала? – спросила Алиса у Захара, когда он передал ей фонарь.

– Я вот, кстати, тоже не представляю её с ножом, – вставил Борис, закидывая за спину рюкзак.

Алиса, усмехнулась, повернулась к заброшке и направила на неё фонарь. Остатки стёкол блеснули в ответ, как слёзы в глазницах чудища. Алиса беззвучно ахнула и отпрянула.

– Начали! – скомандовал Захар.

Захар и Борис наострили свои фотоаппараты, включили режим видео и принялись снимать: друг друга, Алису, мрачное мёртвое здание заброшки и так сильно контрастирующие с ним буйство окружающей природы.

– Ну чё, братаны и девчонки! – Борис помахал рукой в камеру Захара. – Вот мы и тут. Захар, Борис и с нами Алиса! Видон у здания, надо сказать, отпадный.

Борис снял общий план здания и пошёл спиной в сторону психушки, направляя камеру на Захара.

– С одной стороны там река, – продолжил Захар, направляя камеру на окрестности, – а с другой, вон там, Затонское водохранилище. – Захар остановился, глядя на заброшку сквозь объектив, потом опустил его. – И где тут вход? Ага, – Захар указал рукой на обрушенный вход, разобранный на кирпичи, – вон там виднеются ступеньки, ведущие в... ну, типа, вход. Туда мы и направляемся.

Захар поравнялся с Борисом и пошёл в сторону входа. Борис поманил Алису с фонарём, а когда она подошла, подтолкнул её к Захару. Алиса пошла к заброшке, вращая туда-сюда фонарём.

– Территория сильно заросла, – сказал Борис, когда Захар остановился и направил на него камеру. – Блин, крапива! – Борис одёрнул руку от жгучих зелёных зарослей. – А то, с юга, по ходу, конопля, не? – спросил Борис, указывая на высокую траву с узкими листьями, которой поросло поле слева от заброшки. – Надо сюда осенью наведаться за урожаем.

Захар чуть опустил фотоаппарат и строго посмотрел на Бориса, тот осёкся.